

Галина Зеленина
(Москва, Россия)

Центр библеистики и иудаики, Российский государственный гуманитарный университет;
Школа актуальных гуманитарных исследований, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы

Кандидат исторических наук

Email: galinazelenina@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9411-4102

Ada Rapoport-Albert. *Hasidic Studies.* *Essays in History and Gender*

Liverpool: Littman Library of Jewish Civilization, 2018.

ISBN: 978-1-906764-82-1. 522 p.¹

DOI: 10.31168/2658-3364.2020.1.13

У Ады Рапопорт-Альберт, одной из самых ярких фигур на поле современной иудаики, почетного профессора Университетского колледжа Лондона (University College London), автора нескольких десятков работ по хасидизму и гендеру в еврейской мистике, в том числе монографий *Women and the Messianic Heresy of Sabbatai Zevi, 1666–1816* («Женщины и мессианская ересь Шабтая Цви»; 2011), *Хасидим ве-шабтаим, анашим ве-нашим* («Хасиды и саббатяне, мужчины и женщины»; 2015), *Female Bodies – Male Souls: Asceticism and Gender in the Jewish Mystical Tradition* («Женские тела – мужские души: аскетизм и гендер в еврейской мистической традиции»; в печати), в 2018 году вышла новая книга «Хасидские исследования. Статьи по истории и гендеру». Как можно заключить из названия, это не новая монография, а собрание выходявших в разные годы статей, между некоторыми из них прошло несколько десятилетий. Иногда более поздние статьи суммируют выводы более ранних, а предпосланное книге предисловие историка Моше Росмана обобщает достижения Рапопорт-Альберт в исследовании хасидизма, то есть излагает основное содержание всех разделов книги. Эта особенность создает эффект зеркальной комнаты – читатель видит информацию

¹ Эта рецензия была завершена в 2019 году. К сожалению, во время подготовки номера в печать нам стало известно об уходе из жизни профессора Ады Рапопорт-Альберт (1945–2020). Редакция *Judaic-Slavic Journal* выражает глубокие соболезнования близким и коллегам профессора Рапопорт-Альберт, светлую память о которой мы будем хранить с почтением и любовью.

несколько раз и от этого ненавязчивого повторения должен, очевидно, усваивать ее только лучше.

Ада Рапопорт-Альберт начала заниматься хасидскими исследованиями в 1970-х годах и с тех пор смогла перевернуть представления о разных аспектах истории движения, в том числе переписать нарратив раннего хасидизма. Нормативная хронология движения, предложенная еще Семеном Дубновым, выделяла ранний, или классический, хасидизм (до 1815 г.), его искажение в период *цадикизма*, когда движение раскололось на несколько «дворов», а основная задача лидеров состояла в борьбе с Гаскалой (до 1870 г.), и период упадка. Рапопорт-Альберт убедительно опровергла эту хронологию, доказав, что ни при Беште, ни при Магиде из Межирича не было никакого «классического» периода хасидизма, так как вообще не было единого движения – только отдельные проповедники со своими учениками среди других пиетистских групп. Кристаллизация движения происходила уже после 1770-х гг., во многом благодаря атаке со стороны раввинского истеблишмента, прежде всего, Виленского гаона. И раздробленность движения на много дворов – не результат его трансформации или деградации в XIX веке, а изначальная структура. Бешт же не был ни основателем единого движения, ни его лидером – это миф, созданный позднее. В чрезвычайно интересной статье «Агиография со сносками: поучительные предания и историописание в хасидизме» Рапопорт-Альберт показывает, как этот миф создавался и как хасидская традиция реагировала на вызовы времени и на научные расследования. К концу XIX века из уст и широкой публики, и историков (например, Генриха Греца) зазвучала критика хасидизма как учения суеверного и отсталого (на фоне Гаскалы и реформы иудаизма), а также критика достоверности его истории и источников. Было замечено, что история движения не располагает никакими документами – одними преданиями, вместо историографии у нее лишь агиография (вроде *Шивхей а-Бешт*), а реальность фигуры основателя движения и вовсе вызывает сомнения. В ответ на эту критику после Первой мировой войны неожиданно обнаружилась так называемая Херсонская гениза – собрание документов, датируемых периодом с 1730-х гг. до начала XIX века, но на самом деле изготовленных, по-видимому, в 1910-е гг. Среди прочего в генизе имелась переписка Бешта с *ламедвовниками* – «тайными цадиками». Явный анахронизм этого документа состоит в том, что сам термин «тайный цадик» мог возникнуть только после появления термина «цадик», то есть в конце XVIII века, уже после Бешта. Другой показательный пример – письмо, в котором Магид из Межрича сообщает о намерении передать свой статус лидера движения Шнеуру-Залману из Ляд в обход своего родного сына. Эта фальшивка выполняет как минимум три задачи: подтверждает единство движения на том этапе, легитимирует ненаследственную передачу власти в нем и подкрепляет претензию любовических хасидов на то, что они самые аутентичные наследники раннего хасидизма. И это не единственный пример того, как Херсонская гениза служит интересам Хабада.

Встречена гениза была с большим энтузиазмом, но вскоре разоблачена, однако ряд хасидских лидеров продолжал ее поддерживать и пропагандировать, считая ценным оружием против секуляризации и модернизации. И Рапопорт-Альберт тщательно прослеживает дальнейшую судьбу генизы и ее роль в историографии любавического хасидизма. Хотя сами авторы подделок так и не были выявлены, большой корпус текстов генизы купил один хабадник и подарил Шалому Дов-Беру, пятому лидеру движения, тот прочел документы и заявил, что это копии с подлинных документов, а если там и есть какие-либо ошибки, то они незначительные и лежат на совести переписчиков. Идея с копиями оказалась ловким превентивным контраргументом против палеографической критики, которая появится позднее: сама бумага была изготовлена не раньше середины XIX века. Шестой и седьмой любавические цадики также поддерживали аутентичность Херсонской генизы. Так, Йосеф-Ицхак (Шестой Любавический ребе) опубликовал часть документов и обнародовал мнение о них своего отца, явно желая привлечь к этим текстам внимание общественности.

Интерес пятого любавического ребе к Херсонской генизе Рапопорт-Альберт связывает с его собственными историографическими наклонностями: Йосеф-Ицхак записывал рассказы отца и других хасидов старшего возраста, призывал всех к тому же, стремился зафиксировать устную историю хасидизма. Опубликованы его записные книжки с этими рассказами и собственные его мемуары. Свою ситуацию и стратегию сначала подпольного – в СССР, – а затем открытого организатора и борца, рассылающего повсюду с разными миссиями учеников, Йосеф-Ицхак проецировал на Бешта, Магида, Шнеура-Зелмана, Цемаха Цедека: как он сам боролся с секуляризацией и ассимиляцией сначала в СССР, потом в США, так его великие предшественники, в его изображении, боролись с разными врагами – франкистами, митнагедами, маскилами.

Подчеркивая рационализм Хабада, предпочтение, отдаваемое им – в отличие от других хасидских учений – наставлениям и толкованиям перед агиографическими преданиями, Йосеф-Ицхак тем не менее высоко ценил предания, призывал собирать их и упоминал, что ему самому многие предания рассказала его бабушка. И здесь мы выходим на другое новшество шестого лидера Хабада, отмеченное Адой Рапопорт-Альберт, – мобилизацию женщин, и не только как хранительниц устных традиций.

Некоторые ранние исследователи хасидизма (например, Бенцион Динур) видели в нем демократическое народное движение, оппозиционное коррумпированному и элитистскому истеблишменту. Рапопорт-Альберт показала, что и движение, и учение хасидизма было не демократическим, а иерархическим. Хасидские учителя делили всех на людей материи и людей формы, телесных и духовных, и первые, будучи таковыми по рождению, никогда не

могли претендовать на самостоятельную духовную эволюцию, на слияние с Богом (*двекут*) – только через посредство цадика. Возглавляли движение цадики и их окружение – духовная элита, в ряды которой не могли попасть аутсайдеры. Таким образом, сравнительно с раввинизмом хасидизм отнюдь не предлагал демократизации ни знания, ни духовной жизни.

Романтический образ хасидизма как демократического движения распространился и на некоторые частные аспекты. Так, Шмуэль Аба Городецкий счел хасидизм проводником гендерного равенства. Развернутой критике этого постулата и исследованию отношения хасидизма к женщинам посвящены статьи Рапопорт-Альберт, составившие вторую часть книги.

Если саббатянство и франкизм в отношении к женщинам практиковали эгалитаризм (женщины наравне с мужчинами участвовали в религиозных практиках и учении) и либертиаж (снятие сексуальных запретов), то хасидизм, со всех сторон – митнагедами, маскилами, историками – воспринятый как продолжение саббатянства и, шире, мессианского сектанства, отнюдь не продолжил эту гендерную политику и не стал завершать гендерную революцию, начатую саббатянством, а напротив, тщательно отмежевался от нее, опасаясь обвинений в пороке и ереси. Женщины считались людьми материи, принадлежащими «земле» и чуждыми духовности. Они не допускались к коллективным практикам двора цадика. Хасидские проповеди никогда не были обращены к женщинам. Гендерные категории, нередкие в текстах хасидских учителей, используются метафорически, интереса к женщинам из плоти и крови в хасидском учении нет. Женские персонажи, особенно наделенные пророческим даром или иными достоинствами, встречающиеся в ранних редакциях хасидских источников, исчезают из поздних, будучи заменены мужскими.

Ш.А. Городецкий, поклонник хасидизма и критик раввинизма, полагавший, что хасидизм вместе с сионизмом объединит евреев в Палестине, а раввинизм останется диаспоральным пережитком, утверждал, что в хасидизме Бешта еврейская женщина получила «полное равенство». Рапопорт-Альберт опровергает основные положения этой живучей и популярной как в научной, так и ненаучной рецепции точки зрения.

Городецкий утверждал, что хасидизм улучшил положение женщин в общине и семье, поскольку ввел равенство мужа и жены перед цадиком. Напротив, возражает Рапопорт-Альберт, хасидизм усилил абсентеизм мужей, привлекая их ко двору цадика, который со своими застольными церемониями, трапезами в субботу и праздниками как бы заменял семью мужским братством. Женщины же, как правило, не участвовали в жизни двора, хотя при некоторых дворах имели право на аудиенцию у цадика, но чем это отличалось от визитов к раввину в других общинах?

Литература на идише, по мнению Городецкого, призвана была образовывать и вовлекать в полноценную религиозную жизнь женщин, ивритом традиционно не владевших. Рапопорт-Альберт отмечает, что книги на идише действительно издавались в больших количествах, но не для женщин, а

для необразованных мужчин, ибо хасидизм всегда стремился добраться до максимально широкой аудитории, однако задачи давать образование женщинам у него не было. Для себя же хасидская элита издавала мистическую и этическую литературу исключительно на иврите.

Благодаря заявленному равенству, женщины в хасидизме могли даже достичь статуса цадика, пишет Городецкий, и упоминает ряд известных и почитаемых женщин, за которыми признавали духовный авторитет и даже пророческий дар. Но все они, замечает Рапопорт-Альберт, были матерями, вдовами или дочерьми цадииков и светили лишь отраженным светом своих родственников-мужчин. Единственный пример широко почитаемой женщины, не связанной родственными узами ни с каким хасидским лидером, это случай Людмирской девы. Она проповедовала смешанной, возможно, преимущественно женской аудитории и считалась цадииком. Мужской истеблишмент интерпретировал ее способности как вселение в нее души какого-то умершего цадика, не одобрял ее деятельность и принудил ее выйти замуж, и, хотя фактически брак не был реализован, своих последователей и свой статус она вскоре потеряла. Если ради того, чтобы хасидизм «угодил» сионизму с его идеей нового еврейского общества, подразумевающей в том числе гендерное равенство, Городецкий представлял сюжет о Людмирской деве как историю успеха, то Рапопорт-Альберт убедительно показывает, что это была история фиаско, лишь укрепившего гендерные границы, которые Ханна-Рохла пыталась преступить и размыть.

В дальнейших главах, или статьях, Рапопорт-Альберт сосредоточивается на женском вопросе в любавическом хасидизме – Хабаде. На протяжении XIX века Хабад также не отличался вниманием к женщинам. Вслед за еврейской мистической традицией любавические авторы предвидели революцию в положении женщин – достижение ими равенства с мужчинами, если не превосходства над ними – в мессианские времена, но сами мессианские времена до поры до времени не ощущались ими как близкое будущее.

Любавические цадиики не только не допускали к себе женщин с их вопросами и просьбами, но еще и видели в этом свою особую заслугу и преимущество перед украинскими хасидскими дворами. К концу XIX века посредницами между просительницами и ребе иногда выступали ребецин, но все равно прямого доступа к цадику у женщин не из его семьи не было. Сами ребецин, видимо, постепенно отходили от тривиальных хозяйственных функций вроде приготовления еды в доме ребе и стали заниматься филантропической деятельностью, по модели женских благотворительных обществ в среде еврейской буржуазии, но с сугубо традиционными целями (содержание бедных ешиботников). Лидеры Хабада вплоть до пятого ребе высказывались о женщинах крайне критически, видя в них орудие дьявола (который, по словам Шалома Дов-Бера, всегда «пляшет сперва среди женщин») и первейший канал, угрожавший ортодоксальному миру секуляризацией и ассимиляцией.

Образованием для девушек впервые занялся шестой любавический ребе Йосеф-Ицхак, поощряя создание групп «сестер [ешивы Томхей-Тми-

мим]», а потом и сети школ в Америке, впервые обращаясь напрямую к женской аудитории и призывая не только к общему еврейскому образованию девочек, как в сети женских ортодоксальных школ «Бейт Яаков», но и к изучению ими именно хабадной доктрины. Он же приписывал сходные намерения двум своим предшественникам – с понятной целью подкрепить свое новаторство, но, вероятно, без особых оснований в реальности. В одном из своих выступлений Йосеф-Ицхак говорил о месте добродетельной женщины в небесном чертоге, явно следуя в этом образе книге *Zogar* (III.167б), описывавшей семь небесных чертогов для женщин, где те будут свободны от своих хозяйственных обязанностей и смогут исполнять все мужские заповеди, от которых были отстранены при жизни, а также изучать Тору и даже давать заповедям мистические толкования. Рапопорт-Альберт считает, что в доктрине Хабада, как и в каббале, женская тема была тесно связана с мессианской, и объясняет изменение отношения к женщине острым ощущением кризиса, возникшим у Йосефа-Ицхака в связи с гонениями на религию в Советском Союзе, а затем войной и Холокостом и артикулированным ожиданием скорого мессианского избавления.

Кульминации эта тенденция – мобилизация женщин в Хабаде в свете мессианских ожиданий – достигла при последнем лидере движения. В 1952 году, через год после вступления в должность, Менахем-Мендл создал международную организацию любавических женщин, предложив название *Агудат нешей увенот Хабад* – Союз женщин и девушек Хабада, а не жен и дочерей хасидов, как обращались к хасидским женщинам раньше, то есть постулируя их прямую связь с движением, а не через посредство мужей и отцов. Менахем-Мендл сам много обращался к женской аудитории, развивал женское образование, постулировал интеллектуальное равенство женщин, то есть – чисто теоретически – доступность для них изучения Торы, и роль в приближении мессианского будущего. Эту целенаправленную политику Менахема-Мендла Рапопорт-Альберт определяет как контр-феминистскую стратегию: много говоря о важной роли женщин, поощряя их активность в традиционных рамках, расширив сферу их деятельности и включив в нее не только дом, но и школу, он тем самым успешно отвратил хасидок от идей феминизма, эмансипации, равноправия, сообщив им ощущение, что они выше этого, они избранные, у них особое предназначение свыше и роль в мессианском сценарии.

Самой новой статье, републикованной в этом сборнике, уже шесть лет, и с тех пор, конечно, появились новые исследования хасидизма, в частности, его гендерной политики и женских персонажей вроде Людмирской девы. Говоря о гендерных исследованиях на материале ортодоксального иудаизма, интересно проследить, как по-разному взгляды автора могут влиять на ее/его выводы и оценки. Ведь даже при одинаковых фактических данных

оценка «полунаполненности» стакана может быть диаметрально противоположной. И если многие феминистски ориентированные исследовательницы/исследователи склонны обнаруживать в тех или иных эпизодах истории иудаизма активность и значимость женщин и положительное отношение к ним со стороны мужского истеблишмента, то Ада Рапопорт-Альберт последовательно отрицает подобные наблюдения, сделанные ее предшественниками, сколь бы привлекательны они ни были для феминистского пера.

Другой примечательный момент – отношение автора к своим героям – хасидским лидерам. Выявляя их прагматизм, манипулятивность, готовность предпочесть выгодный движению обман низким истинам, исследовательница, не разделяющая, надо полагать, ни веру, ни ценности своих героев, тем не менее не осуждает их, а элегантно представляет свои выводы о них в позитивном свете, формулируя их в терминах стратегии и не выходя в плоскость морали.

Рапопорт-Альберт – историк, который работает с текстами. Говоря о ее исследовании Хабада, нужно принимать во внимание, что любавические (как и иные хасидские) дворы, несмотря на пресловутую активность в публичной сфере, остаются очень закрытым миром, и многие темы почти невозможно исследовать не инсайдеру (например, вопрос о вероятной оппозиции мужской элиты гендерной реформе Менахема-Мендла, который Рапопорт-Альберт ставит, но не имеет достаточных источников, чтобы убедительно на него ответить), а иные исследуются путем не столько анализа официальных программных документов, сколько включенного наблюдения и интервью. Это не те методы, которыми пользуется Рапопорт-Альберт, но уже существующие и будущие публикации о современном хасидизме, основанные на подобной полевой работе, призваны показать нам, в частности, как эгалитарная гендерная программа, обнаруженная Рапопорт-Альберт в речах последнего лидера движения, реализовалась и реализуется на практике в различных хабадных общинах мира.

Galina Zelenina (Moscow, Russia)

Center for Biblical and Jewish studies, Russian State University for the Humanities,
School for Advanced Studies in the Humanities, The Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration

Ph.D. in History

E-mail: galinazelenina@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9411-4102

DOI: 10.31168/2658-3364.2020.1.13

References

- Rapoport-Albert, A., 2018, *Hasidic Studies: Essays in History and Gender*.
Liverpool, Littman Library of Jewish Civilization, 522.